

Тело двигалось, словно изношенный механизм, издавая глухой скрежет при каждом усилии. Мо Цянь с трудом ухватился за стену, пытаясь подтянуть верхнюю часть тела, пока нижняя все еще тонула в бесконечной боли.

— Кха... — он сплюнул сгусток крови. Горло саднило, будто его полоснули ножом.

Впереди виднелось старое общежитие. В одной из тесных, обшарпанных комнат лежал его отец, мертвецки пьяный. Пол был завален бутылками так плотно, что некуда было ступить. Со стен осыпалась штукатурка, грозя обрушиться в любую минуту. Мо Цянь шел осторожно, но все равно задел плечом стену, и на его брюки тут же налипла комьями грязная пыль.

Это был его вечный, въевшийся в самую душу источник стыда.

Он с трудом нашел чистое место, чтобы присесть. На улице царила тишина. Дома, полные тепла и уюта, светились окнами, за которыми жили счастливые люди, но среди них не было его. Глаза, широко распахнутые до рези, смотрели в черное, как тушь, небо. Одиночество и тоска, словно стальная струна, стягивались на его сердце, превращаясь в одну острую точку.

Мо Цянь дрожащими руками достал сигарету, которую ему дал начальник, и прикурил. Никотин притупил часть физической боли. Он заворуженно смотрел на поднимающийся вверх дым — призрачный, лишенный корней.

— Куда они улетають? — пальцы бессильно сжались.

Дым медленно растворялся в темноте. Мо Цянь сделал глубокую затяжку и выдохнул, чувствуя, как внутри ворочается подавленная боль.

— Цзян Юаньсэ был лишь временной мишенью. Угрозы Хуан И не возымели действия, а я мог достать доказательства, — он раскрыл ладонь, целясь в луну. — Ну, то есть, мог раньше.

Мо Цянь насмешливо дернул уголком губ.

Доброта проплывала мимо него. Он, словно жадный ребенок, схватил конфету, но не решился ее съесть, а в итоге беспомощно наблюдал, как она тает прямо в ладони. Он перепробовал множество способов замедлить это таяние, но не мог заставить себя выпустить сладость из рук. Все усилия были тщетны, и результат оказался один: липкая, противная масса из сахараина вместе с оберткой, которая когда-то так ярко переливалась на свету.

— Даже если Хуан И несовершеннолетний, его можно засадить за решетку, если следить за каждым его шагом по наклонной.

Дым поднимался все выше. Мо Цянь провожал его взглядом, пока тот не исчезал в недостижимой высоте, и сердце его медленно уходило в пятки.

— Цзян Юаньсэ действительно стал единственным, кто был добр ко мне, — Мо Цянь протянул руку, имитируя захват только что появившегося дымка. — А теперь появился новый человек, который хочет столкнуть меня в могилу.

Он, словно одержимый, потянулся к тлеющему огоньку сигареты и полностью накрыл его ладонью. Искры впились в кожу, но он не отстранился. Мо Цянь опустил голову, желая, чтобы жгучая боль заставила его проронить хотя бы слезу — хоть что-то, — но блестящая влага быстро исчезла.

На следующий день Мо Цянь шел по улице, когда Цзян Юаньсэ снова случайно столкнулся с ним. На этот раз Мо Цянь не искал этой встречи.

— Мо Цянь, — Цзян Юаньсэ посмотрел на его мертвенно-бледное лицо и тяжелый рюкзак, который, казалось, вот-вот раздавит его. — Подвезти?

Мо Цянь медленно обернулся на голос. Голова гудела, будто по ней ударили молотом, а бессонная ночь, проведенная в муках и тревоге, почти лишила его сил. Цзян Юаньсэ остановил велосипед. Даже с его привычно холодным выражением лица в глазах читалась неподдельная забота.

— Не нужно, — Мо Цянь холодно опустил голову, пряча взгляд в вихрах волос. Он не хотел показывать, как трудно ему отказываться. — Уезжай.

Он отвернулся, боясь смотреть на Цзян Юаньсэ — боялся, что, увидев его лицо, не сможет сдержать сожаления.

Жесткие слова, словно грязный камень, полетели в Цзян Юаньсэ. Тот нахмурился и схватил Мо Цяня за руку:

— Садись!

Мо Цянь отпрянул, будто обжегшись, и от резкого движения они оба повалились на землю.

— Черт...

Цзян Юаньсэ с трудом приподнялся и услышал тихий стон человека, оказавшегося под ним — слабый, жалкий звук.

— Ты в порядке? — Цзян Юаньсэ, охваченный тревогой, заглянул ему в глаза.

Глаза Мо Цяня, похожие на глубокое, печальное море, дрогнули. Он крепко сжал губы и впервые в жизни поддался порыву сердца:

— Больно.

Признание собственной слабости впервые заставило его уши вспыхнуть от жара. Глубоко внутри теплилась странная надежда, вызывавшая невыносимую тревогу, и он поспешно добавил:

— Ничего страшного.

Цзян Юаньсэ видел, как неестественно часто тот моргает, и понимал, что это ложь. Он приобнял его, чувствуя, как напряглось тело Мо Цяня от такой близости, а на шею дохнуло едва уловимым теплом.

Мо Цянь будто стал выше. Цзян Юаньсэ отбросил лишние мысли, бросил велосипед на обочине, поймал такси и повез Мо Цяня в больницу.

<http://bllate.org/book/21520/2208115>